

Юлия Гурская

Белорусский Государственный

Педагогический университет

Минск

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ФАМИЛИЙ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО АРЕАЛА

Контактирование разных этнических групп и взаимодействие их языков – это вопрос, привлекающий внимание исследователей разных направлений. Как уже отмечалось, важную роль в изучении межъязыковых контактов может сыграть анализ ономастических материалов, в том числе и древней онимии, поскольку система собственных имен с течением времени становится своего рода хранилищем языковых реликтов [Юркенас 2003: 160].

Древние фамилии – это особые фамилии, связанные с историей любой территории. В некоторых странах древние фамилии рассматриваются давно, и отношение к ним в этих странах особое. Например, в Китае выделено сто древних фамилий, и серьезно учитывается их отношение к культурному развитию Китая. Славянские и балтийские древние фамилии начали изучаться сравнительно недавно. В настоящее время появились монографии З. Калеты, В. Матеяускене относительно польских, литовских древних фамилий и работы И. А. Королевой относительно русских фамилий.

Во всех исследованиях употребляется термин *древние фамилии* по отношению к анализируемым языковым единицам. Поэтому мы тоже используем данный термин. Почему он удобен? Во-первых, все исследователи рассматривают древние фамилии в зеркале современных ареалов, где данные языковые единицы уже фамилии. Во-вторых, слово *древний* характеризует фамилии с той стороны, что глубина древности не всегда определяется. В частности, и по рассматриваемым нами фамилиям существует много точек зрения об их происхождении. В-третьих, словосочетание *древние фамилии* удобно в силу его краткости, поскольку под *древними фамилиями* мы понимаем фамилии, которые образовались на базе сложных имен индоевропейского типа. По нашему мнению, самыми древними среди индоевропейских

фамилий можно считать онимы, содержащие компоненты, которые находятся в зоне пересечения четырех множеств: топонимов, этнонимов, гидронимов и мифонимов.

На сравнительно небольшой исследованной территории (современный белорусский ареал) нами выделено 197 древних фамилий, образованных на базе сложных имен индоевропейского типа. Всего в проанализированных памятниках выявлено 1885 фамилий, которые датируются концом XIV – началом XV века. И хотя мы отдаем отчет в том, что предложенное соотношение может быть уточнено, тем не менее, можно утверждать, что ядро самых древних фамилий определилось. Выделенный корпус фамилий характеризуется следующими особенностями:

- 1) раннее включение фамилии в письменные памятники;
- 2) наличие соответствующих фамилий в антропонимии других индоевропейских языков; в составе фамилий отмечены лексемы, которые могут быть истолкованы на базе индоевропейских корней;
- 3) данные антропонимические единицы находятся в зоне пересечения трех множеств: топонимов, этнонимов, гидронимов и мифонимов;
- 4) основы древних фамилий образованы на базе сложных имен индоевропейского типа;
- 5) многовариантность.

Все рассмотренные фамилии были достаточно рано зафиксированы в белорусских письменных памятниках (XIV – XV вв.). Для Беларуси это достаточно раннее включение, если вспомнить, что Н. В. Бирилло формирование основного корпуса белорусских фамилий относил к началу XVII века. Но, конечно, выделенные нами фамилии по происхождению не белорусские. Такие единицы находят соответствие в онимии целого ряда индоевропейских языков.

В качестве примера рассмотрим фамилию *Эйсмонт*. На территории современной Беларуси зафиксировано около шести вариантов фамилии: *Эйсмонт*, *Эйсмунт*, *Эйсьмант*, *Эсмант*, *Эсмантович*, *Эшмантович*. Наибольшее количество вариантов (более 40) отмечено на территории Польши: *Eis-mont*, *Ej-mond*, *Ej-mont*, *Ej-montt*, *Ejs-ment-ewicz*, *Ejs-ment-owicz*; *Ejs-mond*, *Ejs-mondt*, *Ejs-mont*, *Ejs-mont-owicz*, *Ejs-montt*, *Ejs-mund*, *Ejs-mundt*, *Ejs-munt*, *Ejs-munt-owicz*, *Ejs-muntt*, *Ejss-mont*, *Ejss-ymont*, *Ejsy-mond*, *Ejsy-mont*, *Ejs-y-montt*, *Ejz-y-mont*, *Es-mant-owicz*, *Es-mą̇t*, *Es-mont*, *Es-mund*, *Ey-mont*, *Ey-montt*, *Eys-i-mont*, *Eys-i-munt*, *Eys-mont*, *Eys-montt*; *Eys-y-mont*, *Eysy-month*, *Eys-y-montt*, *Eys-y-muntt* [Rymut 1993: 178].

К. Рымут высказывает предположение, что фамилия *Эйсмонт* является германизмом, ср. ряд немецких фамилий: *Eismund*; *Eismann*, *Eis (e)tann*, *Heis (e)tann*. Литовские исследователи связывают компоненты данного имени с балтийской антропонимией [LPŽ 1985: 568–569].

Наши материалы свидетельствуют о том, что фамилия *Эйсмонт* представляет собой древнее сложное имя, построенное по модели, известной в антропонимии почти всех индоевропейских языков. Приведем схему связи компонентов антропонима *Эйсмонт* с системой древних индоевропейских имен собственных.

Как показывает анализ, антропоним *Эйсмонт*, рассмотренный в контексте древней европейской онимии, воспринимается как часть системы собственных имен соответствующей группы языков.

Первый компонент *Aīs-* зафиксирован в древнеевропейской антропонимии: др.-герм. *Aisa-berga*; кельт. *Aisa*; лит. *Eīs-mantas, Eīs-mintas, Eīs-monta; Eīs-montas; Eis-mont-ovičius, Eīs-muntas*. В литовском языке сохранились имена древней структуры, содержащие соединительный гласный *-i-*: лит. *Eis-i-montas, Eis-i-montas; Eis-y-montas*.

По мнению исследователей, компонент *Aīs-* этимологически связывается с названием балтийского племени *айстиев*, заслуга **введения которого** принадлежит Тациту (*Aestiorum gentes*) (ок. 55–58 – ок. 117–120). Согласно К. Буга, название *Aesti, Aestorum gentes*, начиная с Тацита, обозначало до IX в. пруссов, т.к. именно отсюда начинался упомянутый им Янтарный путь к Дунаю (ср. ст.-исл. *Eistr* (*Eistir*) < **aistis* и совр. нем. *Esten*). Близкими соседями айстов, славян и готов, которые находились в низовье Повисленья и на побережье, Птоломей и Тацит в I–II вв. **считают финнов. Согласно данной гипотезе, общий этноним айстии** использовался в более поздние века I тыс. германскими племенами применительно ко всем обитателям восточного побережья Балтийского моря (от Вислы до Финского залива). Впоследствии название *айстов* (айстиев) было перенесено германцами на финнов, живущих под властью айстов (прусов), и в настоящее время окончательно закрепилось за современными эстонцами.

В настоящее время существуют три основных гипотезы относительно происхождения этнонима: общеиндоевропейская, германская и балтийская. Исходя из первой, этноним возводится к основе **au(e)-* ‘вода, источник’, осложненной суффиксом *-ist-*. Другие объясняли его, опираясь на сопоставления с данными германских языков, ср. гот. *aistan* ‘уважать’, откуда его значение «уважаемые люди»; др.-англ. *ást*, нид. *eest* «сушилка, печь»; др.-исл. *eisa* «огонь» со ссылкой на свечение янтаря. Сторонники третьей гипотезы делятся на тех, кто возводит данный этноним к гидронимам, скопление которых отмечено на балтийских территориях (К. Кузавинис и др.), и тех, кто возводит его к лтш. *īsts* «настоящий», *īstnieks* «родственник, близкий» (К. Буга) в соответствии с принципом «мы = настоящие люди». Дискуссия по поводу происхождения этнонима остается открытой.

Таким образом, компонент *Aīs-* является сложным концептом, в котором выделяется несколько концептуальных признаков. Одним из важнейших

компонентов концепта является этнонимическое значение, которое на протяжении развития имени не относилось только к одному этносу. Компонент *Aīš-* широко представлен также в балтийской гидронимии, ср. лит. *Aīšė, Aīsetà, Aīsetas, Ais-t-à*; лтш. *Aiša, Aišāte*; прусск. *Ayssen*; в топонимии: *Aisėnai, Aispurvė, Aistiškiai* [Vanagas 1981: 36].

Второй компонент имени *Man(t)*- исследователи связывают с древним индоевропейским корнем **men*, на базе которого возник ряд генетически родственных слов: ст.-слав. *mъněti*, русск. *мнить, помнить*; лит. *minėti* ‘вспоминать’, *manýti* ‘думать, предполагать’, *mantùs* ‘смышлennyй’; гот. *man* ‘полагаю’, *munan* ‘думать, воспринимать’, *gamunds* ‘память’; др.-инд. *mánas* ‘мысль, ум’, *matí* ‘намерение, желание; мысль’; греч. *μένος* ‘сила, мощь; мысль, намерение; ярость’, *μάντις* ‘прорицатель, пророк’ и др. [Юркенас 2003: 138].

Таким образом, антропоним *Эйсмонт* является древним именем индоевропейского происхождения, в силу чего имеет сложную историю и множество вариантов. Компоненты сложного имени *Эйсмонт* представляют собой основы, порожденные группами лексем, которые сыграли заметную роль в образовании древней индоевропейской антропонимии.

Совершенно естественно, что исследователи, изучавшие фамилии, связывали их с историей развития территории. Основной корпус древних фамилий белорусского ареала сформировался в период Великого княжества Литовского, которое было втянуто в общеевропейские социальные и культурно-исторические процессы. Начало формирования фамилий на землях ВКЛ относится к концу XIV – началу XV в., когда зарождается единое шляхетское сословие. В это время отмечается приток иноэтнического населения на территорию Беларуси и Литвы, представители которого были приглашены великими князьями литовскими. Согласно историческим данным, к концу XIV – началу XV в. восходят фамилии рыцарских родов Гродненской земли, расселение которых было связано с государственной деятельностью великого князя литовского Витовта. Многие из этих фамилий находят параллели в германских и балтийских языках.

Принятие римско-католического вероисповедания в XV–XVI вв. привело к полонизации представителей древних родов и появлению широкой польскоязычной полосы шляхетских околиц вдоль реки Свислочи. Данные поселения сохранились до настоящего времени на территории Гродненщины.

Эти имена оставили след и в белорусской концептуальной картине мира. Мы предложили схему профилирования концепта имени собственно с учетом треугольника Г. Фреге – А. Черча, при повороте которого денотат заменяется концептом. Можно утверждать, что культурно значимые имена являются особым типом концептов, обусловленных их тесной связью с денотатом – масштабом значимой личности, возможностью ее символизации и мифологизации. Реконструкция содержания, стоящего за ключевыми именами культуры, может быть осуществлена с помощью структурированного

описания знаний, представлений, ассоциаций, оценок, выработанных в культуре относительно данного имени.

Значимость данных фамилий для представителей белорусского социума объясняется масштабом и многообразием результатов творческой деятельности представителей родов, ценностным наполнением, сложностью ассоциативных связей имен и выражаемых ими концептов. Носители фамилий древних родов являются представителями европейской культуры, выработавшими особую ментальность, систему ценностей, которая существовала на протяжении нескольких столетий на территории Великого княжества Литовского. Эти представления составляют важнейшую часть общеевропейского культурного наследия, в силу чего древние фамилии современного белорусского ареала вводят его, с одной стороны, в широкий европейский культурный контекст, а с другой стороны, способствуют сохранению исторической культурной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

- Королева И. А., *Становление русской антропонимической системы*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / И. А. Королева; Моск. Гос. пед. ун-т. – Москва, 2000. – 36 с.
- Юркенас Ю., *Основы балтийской и славянской антропонимики* / Ю. Юркенас. – Вильнюс: Ciklonas, 2003. – 196 с.
- Būga K., *Rinktiniai raštai*: 3 t. / K. Būga. – Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslines literatūros leidykla, 1958–1962. – 3 t.
- Kowalik-Kaleta Z., *Historia nazwisk polskich na tle społecznym i obyczajowym (XII–XV wiek)* / Z. Kowalik-Kaleta; Inst. Slawistyki, Pol. Akad. Nauk. – Warszawa: Fundacja Slawistyczna, 2007. – Т. I. – 440 s.
- Maciejausienė V., *Lietuvių pavardžių susidarymas XIII–XVIII a.* / V. Maciejausienė. – Vilnius: Mokslas, 1991. – 320 p.
- Brechenmacher J. K., *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Familiennamen*: in 2 Bd. – Limburg a.d. Lahn: Starke Verl., 1957–1960. – Bd. 1. – 1957. – 788 S.
- Kuzavinis K., *Lietuvių vardu kilmės žodynas* / K. Kuzavinis, B. Savukynas. – Vilnius: Mokslas, 1987. – 391 p.
- LPŽ – *Lietuvių pavardžių žodynas*: 2 t. / A. Vanagas, V. Maciejausienė, M. Razmukaite. – Vilnius: Mokslas, 1985–1989. – 2 t.
- Rymut K., *Nazwiska Polaków: słownik historyczno-etymologiczny: w 2 t.* / K. Rymut. – Kraków, 1999–2001. – 2 t.
- Trautmann R., *Die altpreussischen Personnamen*. – Göttingen, 1925. – 204 s.
- Vanagas A., *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas* / A. Vanagas. – Vilnius: Mokslas, 1981. – 408 p.

TO THE HISTORY OF THE ANCIENT FAMILY NAMES
FORMATION OF MODERN BELARUS AREAL

SUMMARY

The aim of the article is investigation of the ancient family names formation of the modern Belarus areal covering three aspects: areal topological, comparatively historical and lingua cultural.

The Object Subject of the article is the etymological reconstruction of the anthroponymical archetypes, cultural possibilities and modes of ancient family names conceptualization. We understand the term “ancient family names” as family naming in the XIV–XV centuries when this territory belong to the Great Principality of Lithuania. We attributed to the ancient family names’ nuclear composite and formed out of them short onomastic units that go back, regarding X. Krae, to the ancient European areal. Many anthroponymical roots entering into the composition of ancient complex names are referred by investigators to the category of relict proper names.

Methods of investigation is areal-typological, comparatively-historical and descriptive. Some methods of onomastic investigation such as etymological, structural and word-formative analysis were also used.

The scientific novelty of the investigation lies in the fact that we propose the concept of the ancient family names formation in Belarus areal in the context of the formation of the European anthroponymical systems; singled out and systematize the corpus of ancient anthroponymical and toponymical lexemes of investigated areal and their etymological conceptual analysis was carried out.

Słowa kluczowe: onomastyka, imiona własne, nazwiska dawnego pochodzenia, etymologia.

Key words: onomastics, proper names, ancient family names, composite anthroponyms, etymology, language world-view.